

О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПАРАДОКСЕ

В. И. Тармаева

Сибирский федеральный университет

Поступила в редакцию 12 мая 2014 г.

Аннотация: в статье рассматриваются узуальные и окказиональные фразеологические парадоксы, являющиеся прежде всего манифестациями игровых контекстов культуры и языка. Когнитивные механизмы формирования фразеологических парадоксов в английском языке неразрывно связаны с ценностными ориентациями и, в более широком понимании, особенностями языковой картины мира у англичан и американцев.

Ключевые слова: фразеологический парадокс, когнитивная лингвистика, иллокутивные акты, пропозиция, языковая игра, иллокуция, трансформация.

Abstract: this article discusses phraseological paradoxes that are primarily demonstrations of gaming contexts of culture and language. Cognitive mechanisms of forming of phraseological paradoxes in the English language are inextricably linked with the value orientations and, in a broader sense, the characteristics of the linguistic picture of the world the English and Americans.

Key words: phraseological paradox, cognitive linguistics, illocutive speech acts, proposition, language game, illocution, transformation.

Парадокс как определенную словесную композицию определяют следующим образом: «кажущееся абсурдным и противоречащее здравому смыслу утверждение, своеобразное мнение, которое резко расходится с общепринятым» [1, с. 977]. Термин «парадокс» возник в античной философии для характеристики нового, необычного, неожиданного, оригинального мнения. «В самом широком смысле под парадоксом понимают высказывание, которое расходится с общепринятым мнением и кажется нелогичным (зачастую лишь при поверхностном понимании)» [2]. Парадокс провоцирует разум, побуждает нас к активному мышлению, познанию сути вещей. Ему свойственна определенная двусторонность, двойственность, и, что особенно характерно, он обладает специфическими когнитивными свойствами¹.

¹ От латинского *cogitare* идут две деривационные линии. Одна связана с понятием «мыслить», а другая – «состоять в связи, в родстве» (ср. «когнаты» – кровные родственники в Древнем Риме). В современном понятии «когнитивный» две прототипические линии соединяются. В этом соединении образуется понятие «категоризация» – «мыслить, отыскивая связи, родство». Каждое средство языка может быть охарактеризовано как средство категоризации, ибо как энергия не может возникнуть из ничего, так и языковое средство не может возникнуть без акта мыслительной деятельности, находящегося в связи с предшествующими и сопутствующими актами. Задача лингвиста – определить специфику категоризации отдельными классами языковых единиц. Комические выражения обладают специфическими когнитивными свойствами (= свойствами категоризации). Парадокс также является родовым явлением в языке и также обладает специфическими когнитивными свойствами.

© Тармаева В. И., 2014

Наряду с достаточно серьезными парадоксами (например, высказыванием Т. Джефферсона «Война – такое же наказание для победителя, как и для побежденного») имеются и парадоксы, являющиеся откровенными пародиями. Таковы, например, многочисленные высказывания Дж. Б. Шоу («Не поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступили с тобой: у вас могут быть разные вкусы») и О. Уайльда («Не откладывай на завтра то, что можешь сделать послезавтра»). Парадоксы в значительной степени лежат и в основе поэтики пословиц и поговорок («Тише едешь – дальше будешь», «И волки сыты, и овцы целы», «Гора родила мышь», «Мягко стелет, да жестко спат», «Iron hand in a velvet glove» и т.д.), баснях; они используются как прием в детской «поэзии нелепостей» (Л. Кэрролл, А. Милн, Э. Лир, К. И. Чуковский). Не вызывает сомнений парадоксальность оксюморонных словосочетаний, функционирующих как в разговорной, так и в поэтической речи (ср. «горячий снег», «мудрое безумие», «сладкая мука», «белый негр»).

Литературоведы и лингвисты, равно как философы и логики, сходятся в том, что телеологическая связка «парадокс – комическое» универсальна. Мы не ставим перед собой задачу классифицировать формы комического. За основу можно взять классификацию Б. Дземидока, который выделяет иронию как одну из промежуточных форм комического. Можно трактовать иронию «как один из видов техники комического», который используется как сатирой, так и юмором и представляет собой «замаскированную насмешку, где скрытый смысл является отрицанием

буквального» [3, с. 45]. Мы разделяем точку зрения о том, что «ирония – комический парадокс», что не противоречит теории Дземидока. Ирония более интеллектуальна, чем юмор, она склонна к рефлексии и эмоционально более примитивна, чем юмор [3].

Рассмотрение парадокса в качестве языковой игры выглядит более закономерным, если напомнить тот факт, что ряд исследователей, в первую очередь Л. Витгенштейн, сравнивали языковой процесс с игрой [4, с. 90].

Г.-Г. Гадамер сумел выделить кардинальные признаки игры, позволяющие осуществить идентификацию в ситуациях знаковой культуры. Немецкий философ возражает против распространенного мнения, утверждающего, что любая игра преследует определенную цель. Он пишет: «Особенность человеческой игры заключается в том, что, вбирая в себя разум, эту исключительную способность ставить цели и сознательно к ним стремиться, она в то же время в состоянии обуздать это стремление к целеполаганию. Человечность человеческой игры именно в том, что в ней игровые движения ... сами себя дисциплинируют и упорядочивают, как будто в этом действительно присутствует цель» [5, с. 289]. Продолжая рассуждать о таких важных признаках игры, как участие, вовлеченность участников во всепоглощающий ритм, Г.-Г. Гадамер наконец приходит к выводу о коммуникативном характере игрового действия: «... Игра является коммуникативным действием в том смысле, что, собственно, не такая уж большая разница между тем, кто играет, и тем, кто наблюдает» [там же, с. 289].

Приведенные высказывания позволяют сформулировать предположение об игровой сущности языкового парадокса. Используя словосочетание «игровая сущность парадокса», мы придаем ему более широкий смысл. Логика рассуждений Г.-Г. Гадамера о необязательности цели и целеполагания как структурных компонентов игры позволяет предположить, что языковой (в частности, фразеологический) парадокс не всегда будет иметь иллюкутивную цель. Так, использование фразеологического парадокса (далее – ФП) обычно сопровождается комическим эффектом, но было бы неверно утверждать, что желание посмеяться связано у коммуникантов с определенной речестратегической целью. Необязательность такой цели также входит в игровую сущность парадокса [5].

В данной статье рассматриваются фразеологические единицы (далее – ФЕ) с парадоксальной природой. Интерес к фразеологическому парадоксу не случаен. Фразеологизмы могут выполнять роль стереотипов культурно-национального мировидения. Узуальный ФП в этом случае представляет собой нарушение стереотипов категоризации действительности таким образом, что новое направление категори-

зации прямо противоположно изначальному. Окказиональные же разновидности ФП – это фразеологизмы, которые возникают в результате контекстного обыгрывания:

I read «Under a disconcertingly brusque and even harsh manner Mr. Chawdron concealed the kindest of natures. A stranger meeting him for the first time was often repelled by a certain superficial roughness. It was only his intimates that he revealed – guess what – *«the heart of gold beneath»*.

«*Heart of gold!*» Tilney took his pipe out of his mouth to laugh... «Extraordinary», I reflected aloud, «the way they all have hearts of gold, and religious senses. Every single one, from the rough old man of science to the tough old business man and the gruff old statesman». ... «*Hearts of gold!*» Tilney repeated... «Hearts of hog-wash.. For it isn't only tough old business men who have the hearts of hog-wash. It's also, as you yourself remarked just now, the gruff old scientists, the rough old scholars, the bluff old admirals and bishops and all the other *pillars of christian society*» (A. Huxley).

Дискурсивные стратегии коммуникантов, как явствует из контекста, диаметрально противоположны. Несмотря на противоположность стратегий аксиологическое ядро высказываний автора и его собеседника Тилнея приходится на фразеологизм *heart of gold*. Аксиологическая центральность фразеологизма в высказывании неоднократно определялась исследователями как иррадиация [6], эмотивная доминанта текстообразования [7]. Характерно, что положительная эмоционально-оценочная доминанта в высказывании автора нейтрализует отрицательную оценку, отвергающую аксиологическую доминанту авторского высказывания, Тилней прибегает к замене ключевого компонента ФЕ (*gold – hog-wash*). В результате повторно использованные предикаты *tough*, *tough* и *gruff* вновь обретают свойственную им отрицательную оценку (несомненно, трансформации соответствует введение дополнительного предиката). Но, пожалуй, самая примечательная аксиологическая трансформация происходит с фразеологизмом *pillars of (christian) society*. Он приобретает окказиональный парадоксальный смысл в результате «иллюкутивного давления» со стороны преобразованной ФЕ *heart of gold* и вновь обращенных прилагательных, характеризующих объект иллюкуции. Иллюкутивную силу высказывания можно выразить контраргументативной пропозицией: «А я заявляю, что не из золота у них сердце, а из помоев – ... у всех столпов общества». Нецелесообразно категорически настаивать на безвариантности такого рода интерпретации. Тем не менее избранный вариант представляется более предпочтительным, потому что он позволяет свести в одно целое иллюкутивные и эмоционально-оценочные параметры высказывания с окказиональными ФП.

«We are at the heart, here, of our human universe. Come, then, let us frankly admit that we are *citizens of this mean city, make the worst of it resolutely and not try to escape*» (А. Нухлеу).

Объяснение, как представляется, вытекает из концептуальной многомерности символов. Данное свойство символов эффективно поддерживает кажущуюся двусмысленность парадоксальных контекстов. «Сердце человеческого общества» оказывается полным пороков. Этот смысл индуцирован парадоксальной трансформацией фразеологизмов *citizens of no mean city u make the best of something*. (Аналогичной трансформации была подвергнута ФЕ *heart of gold* в приведенном первом примере.) Иллокуцию высказывания с окказиональным ФП можно выразить следующей пропозицией: «Заявляю, что мы, жители этого мерзкого города, делаем его еще омерзительнее и не хотим ничего изменить».

По характеру высказываний с окказиональными ФП можно заключить, что преобладающей иллокуцией в них является декларатив. Как представляется, это обстоятельство связано с игровой сущностью парадокса. Декларатив не предполагает каких-либо категоричных требований, обязательств, претензий к коммуникантам (перформативность глагола «заявлять» ставилась под сомнение еще Дж. Остиным). В большинстве контекстов, связанных ключевой пропозицией «Я заявляю, что S», нелегко разглядеть планируемый перлокутивный эффект. Поскольку одним из наиболее стойких признаков игры является отсутствие цели [8], декларативная иллокуция оказывается наиболее распространенной и типичной для соответствующих речевых актов.

Данный вывод подтверждается также тем, что, используя ФП в неигровом контексте, говорящий обычно наделяет высказывание иной, отличной от декларатива иллокуцией. В качестве примера приведем цитату из речи А. Линкольна:

Mr. Speaker, it is no business or inclination of mine to defend Martin Van Buren. In the war of extermination now waging between him and his old admirers, I say, *devil take the hindmost – and the foremost*. But there is no mistaking in the origin of the breach; and if the curse of «stinking» and «rotting» is to fall on the first and greatest violators of principle in the matter, I disinterestedly suggest, that the gentleman from Georgia and his present co-workers are bound to take it upon themselves.

Очевидно, что окказиональный парадокс *devil take the hindmost* употреблен в контексте ассертивной иллокуции. Несмотря на директивный характер заключительной пропозиции *I suggest that A do P*, высказывание в целом развивает ассертивную иллокуцию, потому что обращено к спикеру.

Характерная особенность речей А. Линкольна – частое использование парадокса в заключительной

части – неизбежно заставляет призадуматься: является ли данная особенность чертой языковой личности или она скорее выражает определенную дискурсионно-композиционную закономерность использования парадоксов.

Большинство аргументов свидетельствует в пользу второго предположения. В первую очередь парадоксальная смысловая структура заключения речи, статьи, эссе и прочих жанровых форм, подпадающих под определение аргументативного дискурса, – это далеко не исключительная особенность А. Линкольна как языковой личности. Для подтверждения приведем два примера: концовку введения философско-биографической книги Д. Буэрстина о Т. Джефферсоне и окончание лекции известного европейского политолога Дж. Галтунга.

While the «world» of Thorns Jefferson – the mind-scape of ideas which I describe in this book – may be lost, the figure of Jefferson is very much with us. This heroic Jefferson embodies the conundrum: How can *our past speak to our present*? The miracle is now a man so thoroughly immersed in the peculiar thought of his age can remain a living American statesman in the twentieth century (Boorstin).

Why should we have a dependency on capitalist production patterns when the Green economy and the informal economy could be doing so much for us – meaning, by «informal economy», production for own consumption..., and production for exchange against money, but in very small, limited economic cycles. However, when this happens in my country, the bureaucrats come in and want to tax it, and you are supposed to put it on your income – tax return, otherwise *they are not green but have a black economy* (Galtung).

Подчеркнутые сочетания слов в цитатах обладают парадоксальным смыслом, хотя и не являются ФП. Представляется, причины регулярного использования парадоксальных контекстов в заключительных высказываниях участников аргументативного дискурса прежде всего заключаются в особом характере этой структурно-композиционной части коммуникации. В заключительной части аргументативного дискурса высказывание стремится к семантической автономности, принимая порой парадоксальные формы, отражающие стратегии взвешивания «за» и «против». Эти формы обычно лексикализуются (ср. *past – present; green – black* в вышерассмотренных примерах), потому что семантическая автономность требует эксплицитных форм выражения, обладающих относительной контекстной свободой.

Образование фразеологических парадоксов обычно также связано с заменой, перестановкой компонентов, их использованием в грамматически антонимичных формах:

«Scientific morality is heartily disliked by the sentimental humanitarians, who are kind only to be cruel, and ignored by politicians, as having no relation to the next election» (W. R. Inge).

В данном примере возникает ФП в результате перестановки компонентов в *to be cruel to be kind*. Источником данной единицы является произведение У. Шекспира «Гамлет»: «I must be cruel only to be kind» (W. Shakespeare).

Ассертивный характер иллокуции устанавливается на основе анализа ценностных ориентаций автора высказывания, исповедуемых в дискурсе. У. Инге считает либерализм гуманистическим опасным идейным заблуждением, препятствующим более трезвому «инженерному» подходу к решению проблем человечества. Данная ориентация способствует наращиванию ассертивной иллокутивной силы в дискурсе. Вokkaциональном ФП эксплицируется ее обвинительный пафос.

Характер осуждения, обвинения в ассертивных иллокуциях, свойственных парадоксальным контекстам, носит несколько дистанцированный от автора, явно расчетливый аксиологический смысл. Иными словами, и в «серьезных» ситуациях с использованием ФП наличествует некоторая декларативность, действие согласно стратегической установке. Представляется, что Д. Вандервекен более точно, чем Дж. Остин, выразил суть стратегии говорящего в таких случаях: «умышленное осуждение может быть представлено как косвенный речевой акт, в котором под декларативной формой скрыт ассертив» [8].

Таким образом мы приходим к следующим выводам:

1. Парадокс, точнее его социокультурный прототип, связан с игровой ситуацией. Парадоксальные контексты обычно связываются с комическим эффектом. Это естественно, потому что для достижения последнего коммуникативное целеполагание необязательно, равно как и необязательно наличие цели в игре.

2. Образование узуальных фразеологических парадоксов происходит на фоне стереотипов категоризации, отражающих типовые лингвокультурные прототипы.

3. Фразеологические парадоксы применяются в качестве речестратегических приемов. Введениеokkaциональных глубинных смыслов, контрастирующих с игровыми поверхностными смыслами, позволяет говорящему использовать иллокуцию, нацеленную на существенный перлокутивный эффект, под прикрытием впечатления игры, игрового поведения.

4. Парадокс обращается в апелляцию к «серьезным» темам и намерениям, если говорящий вводит в контекст единицы смысла с противоположным исходномуokkaциональным парадокс, повышает надежность избранной речевой стратегии. Требуя – по социолингвистическим нормам – от слушающего игровой интерпретации сказанного, он тем не менее выражает стратегически важные мысли и при этом лишает слушающего возможности адекватного по эффективности ответа.

5. По параметрам иллокутивной семантики, в результате речестратегических действий говорящего в дискурсе обычно взаимодействуют две иллокуции: декларативная и ассертивная. Это есть «техническое» определение когнитивного механизмаokkaционального фразеологического парадокса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А. М. Прохоров [и др.]. – М. : Советская энциклопедия, 1981. – 1600 с.
2. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%81>
3. Дземидок Б. О комическом / Б. Дземидок. – М. : Прогресс, 1974. – 223 с.
4. Витгенштейн Л. Философские работы : пер. с нем. / Л. Витгенштейн. – М. : Гнозис, 1994. – 612 с.
5. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер. – М. : Искусство, 1991. – С. 280–288.
6. Графова Г. А. Смысловая структура эмотивных предикатов / Г. А. Графова // Человеческий фактор в языке : языковые механизмы экспрессивности. – М. : Наука, 1991. – 214 с.
7. Мегентесов С. В. Импликативные связи в структуре текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / С. В. Мегентесов. – М., 1981. – 23 с.
8. Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. XVI. – С. 22–29.

Сибирский федеральный университет

Тармаева В. И., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Института филологии и языковой коммуникации

E-mail: vtarmaeva@mail.ru

Тел.: 8-914-873-45-24

Siberian Federal University

Tarmaeva V. I., Doctor of Philology, Professor of the Journalism Department of the Philology and Language Communication Institute

E-mail: vtarmaeva@mail.ru

Tel.: 8-914-873-45-24